Манеры и этикет.

За два часа до того.....

Хо Цюдун проснулся от приятного солнечного света, омывающего его плиточный пол, и ковер. Озорной лучик растянулся на ковре, придав его белизне желтый оттенок. Удивительно, но у него был очень приятный сон. Звук фортепианной пьесы Чапина наполнил просторную комнату. Он понежился в постели еще пять минут, прежде чем скатиться с кровати и выключить крошечный пианино-будильник у тумбочки. Он потянулся, и стал открывать свои белые льняные шторы, чтобы в комнату просачивалось больше солнечного света. Он закрыл глаза и согрелся теплом, хлынувшим потоком через окно. Что за доброе утро!

«Ахххххх!»

- Или нет.

Он был потрясен отвратительными пронзительными криками в своей квартире. Если бы он не знал лучше, он бы подумал, что кого-то убивают по соседству. Что именно происходило?! Он задавался вопросом, должен ли он подать жалобу на шумного соседа. Затем до него дошло. У него не было соседа. На каждом этаже было только две квартиры.

- Я облажался. Долгое время.- подумал он про себя, схватив халат и ворвался в гостевую спальню. Он распахнул дверь, и увидел ее, орущей посреди комнаты.

- К-кто?! У-ты? Ч-что? Ч-ч-как?!- Ян Руцинь запнулась. Взъерошенная, растрепанная, она стояла посреди комнаты, обмотав вокруг себя одеяло, как платье. Она вела себя так, будто проснулась голой, хотя на самом деле это был просто другой комплект одежды.

- М-мы ...?- Она замолчала, ее глаза наполненные ужасом, уставились в пол. Глупо, глупо, глупо! Она хотела выбраться из окна. Это было лучше, чем столкнуться с этим ... этим затруднительным положением!

- Что мы? Занимались любовью?

- Не говори так! Ты говоришь так, будто мы любовники. - Она закрыла лицо руками. - Боже мой, почему я так много пила?! Что произошло прошлой ночью?

Это было пятно. Нет, скорее черная дыра в ее памяти. Она не знала, как она сюда попала или что побудило ее приехать сюда.

Хо Цюдун обиделся. Ее слова задели его глубже, чем он ожидал, но он держал рот плотно закрытым. Гром и молния в его глазах были преуменьшением того, как он был взбешен ее

словами. Он считал ее больше, чем другом, даже видел ее как женщину.

Любовь была еще далеко, но он испытывал теплые чувства к этому маленькому пыжику на его кровати. Он не давал прозвищ, и не приглашал людей спать в своем доме кому-либо. Он пустил ее внутрь только потому, что она была лучшей подругой его босса и младшей сестрой президента Яна. Он пригласил ее внутрь, потому что он действительно заботился о ней. И в отличие от своего невероятно бессердечного босса, он знал, что это значит, когда ритм сердца ускоряется при виде человека.

- Если вы закончили с этим аргументом, я должен подготовиться к этому дню и отправиться на работу. Не стесняйтесь, почувствуйте себя как дома и уходите, когда захотите. Входная дверь сама закрывается за вами.

Ян Ручинь вздрогнула. Его ледяной тон мог заморозить весь океан. Его голос напомнил ей о Ян Фэне, за исключением того, что у него был свой уникальный тембр. Она чувствовала, что ей сделали выговор, как директор отчитал нерадивого ученика.

Чувство вины обрушилось лавиной на нее: «Разве ... Я обидела тебя?»

«Да».- Кричало сердце Хо Цюдуна.

- Нет.- Ответил он и ушел, не оглядываясь. Он бы резко хлопнул дверью, но у его двери не было такой возможности. Дверь, независимо от того, как сильно ты ее захлопываешь, всегда будет закрываться мягким «щелчком». Так было задумано, потому что он не любил громких звуков. В этот момент ему хотелось, чтобы он не вел себя так идеально.

«Я определенно обидела его».- Вздохнула, Ян Ручинь и, стоная от сильной головной боли, направилась к кровати. Ей потребовалась целая вечность, чтобы выскочить из спальни, но Хо Цюдуна нигде не было видно. Она села на стул, спрятанный под кухонной стойкой. Ручинь лениво размахивала ногами, и ее глаза загорелись, когда Хо Цюдун, наконец, вышел из своей комнаты, только что одетый, но очень растрепанный? Может он задумался, когда одевался?

- Что?- спросил он ее, кладя свой портфель на верхнюю часть кухонной стойки.

- Я голодна.- Застенчиво произнесла Ручинь с крошечной улыбкой, хлопая ресницами.

Его глаза сузились. Она знала свое обаяние, это всегда работало: «Я не умею готовить».

«Юй Пинлуо мог».- Мысль вспыхнула в ее голове быстрее, чем она могла подумать дважды. Ее улыбка исчезла. Она не хотела вспоминать утро в их доме. Утренние часы, наполненные смехом, ароматами и любовью, она отчаянно хотела вернуться в те дни.

Хо Цюдун не знал, как реагировать на ее мрачное выражение: «Поверь мне, если бы я знал, как готовить, я бы готовил для тебя. - Он указал на практически неиспользованную кухонную плиту. - Видишь, она абсолютно новая и нетронутая».

- Хорошо. Дайте мне немного обезболивающего и воды.- Кратко сказала она.

Его губы дернулись. Разве богатые люди не должны были быть воспитанными? Он увидел испорченного ребёнка, сидящего перед ним.

- Пожалуйста,- добавил он.

- Что?

- Вы должны были сказать, пожалуйста, и попросить, а не приказать. Это наименее уважительное, что вы можете сделать, если хотите чего-то.

Почему это ... Ян Руцинь прокляла его в своей голове. Она привыкла иметь все на золотой тарелке: «Пожалуйста, дайте мне обезболивающее и стакан воды».

- Где часть спросить?

- Я заставлю Фейфей уволить тебя, придурок!

- По какой жалобе?- Его губы изогнулись в крошечной улыбке, которую она не осознавала. Этот маленький щенок думал, что она немецкая Шепард.

- Ты издеваешься надо мной.

Хо Цюдун задумался, во что он ввязался: «Я учу тебя манерам».

- У меня есть манеры!- Ян Руцинь сочла его невыносимым. Их свидание вслепую прошло хорошо, но чем больше она узнавала его, тем больше он ее раздражал. Ян Юлун постоянно дразнил ее, она не хотела другого хулигана.

Его глаза скользнули по ее идеальной позе: «У вас есть этикет. Не манеры». Он вздохнул и проверил часы. Его глаза расширились от того, как быстро время ускользнуло из его рук. Он опоздает, если продолжит спорить с ней.

Ян Руцинь открыла рот, готовая продолжить спор, но он повернулся к ней спиной и исчез. Через минуту он вернулся с пакетом обезболивающих лекарств. Он схватил чистую стеклянную чашку, наполнил ее теплой водой из дозатора и поставил перед ней.

- Сейчас мне будет плохо, потому что я опаздываю на работу. - Он повернулся и был готов идти к полочке с обувью, когда почувствовал, как что-то дергает его сзади.

Он вдохнул через нос и мысленно пожелал быть терпеливым с этой женщиной. Он был готов услышать, что она скажет еще одно замечание, вроде открытия пакета обезболивающих для нее.

- Спасибо...- прошептала она, ее рука крепче сжимала его костюм.

Напряженная поза Хо Цюдун расслабилась: «Пожалуйста».

- И я сожалею об этом. Я не хотела звучать глупо.

Может быть, это потому, что Хо Цюдун был слишком добр, потому что он легко простил ее. Она звучала очень извиняющейся. Не каждый день такая женщина, как она, умела извиняться. Он повернулся к ней и нежно похлопал ее по голове: «Все совершают ошибки».

Это были три простых слова, которые любой мог сказать ей. Как ни странно, слышать, как он это говорит, имело для нее большое значение. Ян Руцинь обдумывал его слова и смотрел на свои руки. Все совершают ошибки...? Она закусила нижнюю губу, когда волна эмоций прокатилась по ее робкой фигуре.

Хо Цюдун схватил свой портфель, надел сугубо отполированные кожаные туфли и ушел, прежде чем она смогла ответить. Он спешил добраться до офиса и забыл еще раз взглянуть в зеркало.

<http://tl.rulate.ru/book/23140/856650>